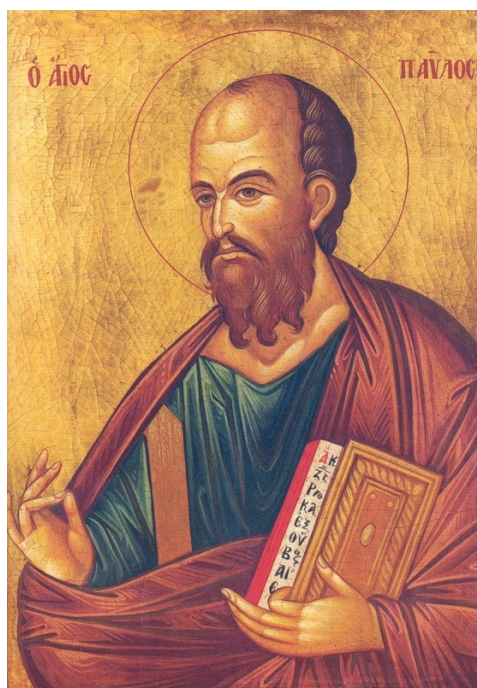

И.Ю. Кобзев

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ПОЕЗДКА
(деяния апостолов, 64 год от Р.Х.)

«Все позволительно, но не все полезно»
(апостол Павел)

День первый

Корабль раздвигал носом свою тень, но она оставалась невредимой в зеленоватых волнах Эгейского моря. Ветер был попутный, но матросы уже свернули парус и на веслах входили в залив. Горы синели и таяли в голубом мареве неба. Павел стоял на носу корабля и смотрел, как перед ним разворачивает свой свиток город Эфес. Он с гордостью демонстрировал мореплавателям свои храмы, театр, библиотеку и акведуки. Глаза слепила сияющая крыша чуда света – храма Артемиды, в недрах которого, как муравьиная матка в муравейнике, скрывалась многогрудая гусеница Азийской богини, которую эллины почему-то отождествляли с быстроногой охотницей Артемидой.

«Сложный город, трудный город - средоточие соблазнов для ума и души. В нем верные во Христе подобны младенцам, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человекoв, по хитрому искусству обольщения, по суетности ума своего и легко помрачаются в разуме. Особенно под влиянием софистов

– этих волков разума. Ну, ничего, я надеюсь, что епископ Тимофей умеет увещевать заблудших, чтобы они не уклонялись в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея того, что утверждают». Он вспомнил удачный пассаж из своего последнего письма к эфесской общине и со стыдливым удовольствием повторил его в уме: «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие» - А что? По-моему хорошо сказал, я бы и сейчас не сказал лучше».

Солнце грело затылок, ветер остужал лицо, берег приближался под мерный плеск весел. «Скоро я их всех увижу: трудолюбивого Филимона, молчаливую Апфию, Архипа диакона, а главное – рассудительного Онисифора, в доме которого я отдыхаю душой». Павел закрывал глаза и улыбался, предвкушая встречу со своими духовными чадами. Между тем корабль причалил к пирсу, матросы начали таскать тюки по сходням под окрики капитана. Шум и гам порта ровным гулом висел в воздухе, пропитанном сотнями запахов – приятных и неприятных, съедобных и затхлых. В глазах рябило от разноцветия одежд и грузов, громоздившихся на пристани. Вдруг Павел заметил в толпе знакомую сутулую фигуру:

- Онисифор!

Онисифор вздрогнул и начал искать глазами того, кто его позвал. Павел махнул ему рукой. Онисифор с улыбкой начал пробираться к сходням корабля. Через минуту они уже обнимались на пирсе. Павел удивился несколько растерянному выражению лица своего друга. Он как-будто старался отводить взгляд и не смотреть в глаза своему пастырю.

- Что случилось, Онисифор? – озабоченно спросил Павел.

- Случилось, отче. А что, сам определи, когда я тебе все расскажу. Но это дома, дома. Не здесь, прошу тебя.

Они больше не возвращались к этому разговору, но сосредоточенно занимались разгрузкой тюков Павла и помещением их в портовый склад. Потом они так же молча шли по дороге в центр города, мимо фонтанов, мимо библиотеки к дому Онисифора. В доме их встретил только старый раб, который подошел к Павлу за благословением и взял его вещи. Онисифор жестом пригласил Павла сесть на ложе к столу. Сам сел напротив и в задумчивости потер лицо ладонями. Потом поднял глаза на пастыря и сказал просто:

- Беда, отче, беда.

- Что-нибудь с общиной верных?

- Нет больше общины и нет больше верных. Все разбежались и предались блуду и распутству с ненасытностью обреченных.

- Как все?

- Так, все...

- И Филимон, и Апфия, и Архип?

- И Филимон, и Апфия, и Архип.

- А Тимофей, где же Тимофей?

- Он проклял всех и ушел в горы, в пустынь, чтобы больше не видеть людей.

- Боже мой, Боже мой, как же это могло случиться? Что произошло?

- А произошло то, что месяц назад появилось в городе послание апостола Иоанна с Патмоса. И в этом послании изложено откровение, которое ему было от Господа.

Откровение о конце мира сего, который грядет и уже близок. Это послание мы читали в собрании в моей домашней церкви и оно произвело на братьев гнетущее впечатление.

Они перестали приходить сюда и бросились в пучину разврата и пьянства, говоря что все равно они грешники и все равно им гореть в геенне огненной, так хоть напоследок

погуляют всласть. Епископ Тимофей пытался их увещевать, но ему говорили: «Что ты знаешь? Кто ты такой? – Вот почитай, это сам апостол Иоанн от Господа слышал». И что он им на это мог возразить? Вот от отчаяния он и ушел в пустынь.

- Где это откровение?

- Вот почитай, - и Онисифор протянул ему свиток, который лежал на столе между ними, видимо заранее приготовленный. Павел развернул его и начал читать. И чем дальше читал, тем больше мрачнел. Наконец он закончил чтение и погрузился в размышление. Онисифор терпеливо ждал его слова. И слово это прозвучало: «Безумец!». Тогда Онисифор отозвался:

- На самом деле все еще хуже, чем ты думаешь, отче.

- Говори!

- Ты знаешь, я служу в городском магистрате при римском наместнике. Так вот его официал Феликс, человек недюжинного ума и образованности, читая этот манускрипт, обратил внимание на то, что если написать имя императора Нерона и потом прочесть буквы как числа, то получится как раз число зверя, о котором пишет апостол Иоанн.

- Этого только не хватало! И что, наместник об этом знает?

- Не просто знает - он взбешен. Он просил меня привести тебя к нему немедленно, как только ты прибудешь в Эфес. Ты знаешь, что он хорошо относится к тебе. Может быть тебе, отче, удастся убедить его в том, что тут нет никакого заговора против императора?

- Да, да. Надо идти и немедленно. Ах безумец, безумец, - Павел покачал головой и встал с ложа, готовый идти во дворец римского наместника и говорить, говорить, говорить, чтобы попытаться заговорить то страшное чудовище, пасть которого так неожиданно разверзлась над головами верных во Христе Иисусе.

«Да, говорить, но что? – размышлял Павел, быстро шагая рядом с Онисифором по направлению к дворцу наместника, - Как мне убедить его, что мы, слуги Господни, не замысливаем ничего преступного, в то время как сами проповедуем конец мира и вместе с ним конец империи. Как говорится, состав преступления налицо – извольте бриться! Ну, ничего, на все воля Божья, что-нибудь придумаю в ходе разговора. Наместник вполне вменяемый человек, хоть и римский сенатор в шестом поколении».

Во дворце Онисифор сразу направился к официалу наместника Феликсу, с которым приятельствовал, и тот немедленно провел Павла к своему начальнику. Павел вошел вслед за Феликсом в приемную наместника, которая напоминала скорее внутренний дворик, чем комнату. Посредине под световым колодцем журчал маленький фонтан, вокруг фонтана в горшках цвели разнообразные цветы, наполняя воздух сладким ароматом. В кресле перед столиком сидел дородный мужчина в senatorской тоге с пурпурной каймой. Это был римский наместник, проконсул Азии и потомственный сенатор Квинт Эмилий Второй, хотя на самом деле он был как минимум шестой в своем роду. Проконсул повернул голову к вошедшим и легким жестом руки отослал Феликса. Тот с поклоном вышел. Павел внимательно рассматривал лицо наместника. Да, это было лицо римского патриция: все его детали – нос, подбородок, надбровья, уши - были фундаментальны, и каждая из них могла принадлежать любому другому римскому патрицию. Только глаза, устало прикрытые припухшими веками, выдавали присутствие живого человека в этом скульптурном портрете. Павел подошел и поклонился:

- Проконсулу желаю радоваться!

- Проконсул желал бы радоваться, да не получается, - он указал Павлу на кресло – садись, нам предстоит долгий и непростой разговор.

Павел сел в указанное кресло и изобразил на лице почтительное внимание.

- Павел, ты знаешь, что я с уважением отношусь к тебе и к опекаемым тобою общинам иудеев в Азии. Я вообще не вмешиваюсь в ваши религиозные дела, мне до них нет дела. Но это, - он показал пальцем на свиток, лежащий перед ним на столе, - это не религия,

это памфлет против власти императора. А это преступление, причем преступление, караемое смертью! И я, как наместник императора в Азии, обязан предупредить его о заговоре против империи и против него лично, - проконсул внимательно посмотрел в глаза Павлу и, выдержав паузу, продолжил, - но я пока не предупредил его, и быть может тем самым уже совершил должностное преступление, за которое тоже понесу суровое наказание. Как ты думаешь, почему я не сделал этого?

- Потому что ты умный человек, игемон!

- Надеюсь, что и ты умный человек, Павел. И что ты сможешь дать мне достаточно убедительные объяснения того, что написано в этом послании вашего апостола. Настолько убедительные, чтобы они могли убедить и самого императора. Итак, я слушаю тебя,

- Игемон! Это не послание и не памфлет, это поэтическое произведение. Там нет прямых нападок на Рим и императора – только больное воображение читателя может отождествить блудницу с Римом, а Зверя с императором...

...- Ага, значит ты уже знаешь об этом открытии Феликса, что так называемое число зверя скрывает имя нашего императора?

- Это случайное совпадение, поверь мне. Число 666 упоминается в книге торы, называемой по-гречески Паралипоменон, и обозначает деньги, богатство. Это знает каждый образованный иудей.

- Иудей может быть и знает, но послание-то написано по-гречески. Значит оно рассчитано на то, что его будут читать эллины. И они его читают! Как они его читают – ты уже знаешь.

- Да, да. Это ошибка апостола Иоанна, нельзя было писать это по-гречески. Но что поделать – написано пером, не вырубить топором.

- Вот, вот, и я о том, что вырубить этим топором теперь могут всех вас – и пишущих и читающих эту «поэму».

- Но нельзя же в самом деле наказывать за поэзию. Ведь и в «Иллиаде» Гомера и в «Энеиде» Вергилия при желании можно найти любые политические аллюзии.

- Да, но ведь эти поэты писали о прошлом, а тут дается прогноз на будущее, на ближайшее будущее, непосредственно затрагивающее сегодняшнюю жизнь империи!

- Это всего лишь иудейская литературная традиция, это такой жанр нашей поэзии, который называется по-гречески апокалипсис, он давно используется авторами торы, например пророк Даниил написал подобную поэму еще пятьсот лет назад. Иоанн просто использовал уже существующий литературный канон.

- Я думаю, что наш император Нерон, хоть он и сам великий артист и поэт, не оценит художественной стороны этого произведения. Но оценит его разрушительное политическое содержание и тогда твоим соплеменникам, Павел, не сдобровать.

- Что же делать, игемон? Посоветуй.

- Для этого я тебя и позвал сюда. Даю тебе десять дней сроку: немедленно поезжай на Патмос, найди там этого литературного апостола и убеди его не писать больше подобных вещей. Посмотри внимательно, может быть ты найдешь что-нибудь такое, что способно скомпрометировать автора этого опуса в глазах читателя: в данном случае меня интересует единственный читатель – император. Надеюсь ты понимаешь меня?

- Думаю, что понимаю, игемон.

- Если через десять дней ты не вернешься с убедительными для императора аргументами, доказывающими политическую безобидность этого текста, я даю ход этому делу и посылаю свою эпистолу в Рим. Ясно?

- Вполне.

- Тогда поезжай завтра же. Вот тебе деньги на дорогу, - проконсул протянул Павлу кошель.

- Нет, нет, что ты, я привык сам зарабатывать на свою жизнь. Вот если бы ты купил у меня палатку...

Проконсул посмотрел на Павла бесконечно усталым взглядом и тихо спросил:

- Скажи, я похож на человека, которому нужна палатка?

- Извини, игемон, я был не прав, - он взял кошель с деньгами и спрятал его в своем поясе, - Я завтра же отправлюсь на Патмос. Через неделю я буду здесь. Прощай.

- Прощай. Пусть твои боги хранят тебя в пути.

Павел поклонился и собрался уже уходить, как вдруг задумался и снова обратился к наместнику:

- Извини еще раз, игемон, могу ли я в этой своей миссии сослаться на тебя?

- Это нежелательно... Но в крайнем случае можешь – слишком время поджидает.

Павел еще раз поклонился и вышел из приемной наместника.

Обратно домой они шли с Онисифором неспеша. Павел молчал, его спутник не хотел мешать ему думать и тоже молчал. А Павел пытался оценить свое положение: «Кто я в этом предприятии – узник Иисуса Христа, апостол веры или чиновник по особым поручениям римского наместника? А может быть и то и другое одновременно? А впрочем на все воля Божья – ведь и Христос говорил: «Богу Богово, а кесарю кесарево». Павел встряхнул головой и впервые за весь день улыбнулся Онисифору:

- Проводи меня завтра утром на корабль до Патмоса. А сегодня собери всех своих домочадцев и рабов, помолимся Господу, дабы он дал милость дому твоему и твоей домашней церкви, - он неожиданно подмигнул и добавил, - а то апостол Иоанн и про нас напишет, что мы не горячие, а теплые...

День третий

Корабль долго шел на веслах вдоль извилистого пролива, ведущего в бухту. Мыс, далеко выдающийся в море, полностью закрывал залив. Вокруг круглились холмы, поросшие оливковыми деревьями. Вдали горы поросли лесом. Солнце стояло высоко и жарило немилосердно. Павел в соломенной шляпе по своему обыкновению стоял на носу корабля и щурился, осматривая из-под руки проплывающие мимо него берега: «Ни одного дома, ни одного человека! Ну и дыра, прости Господи. Вот уж точно «конец света»» И только когда корабль обогнул мыс, перед ним открылся залив с маленькой деревушкой на берегу. Белые домики с черепичными крышами были похожи на стадо овец, разбредшихся кто куда, пока нерадивый пастух спал под кустом. Но вот и пристань появилась с несколькими рыбацкими лодками, покачивающимися на нестерпимо голубом небе, опрокинутом в море. Еще десяток дружных взмахов весел и корабль причалил к пирсу. Матросы опустили сходни и начали выгружать корзины, амфоры и тюки из трюма.

Павел спустился по сходням и с удовольствием ощутил под ногами твердую землю. На пристани его внимание привлек воинский начальник в сияющем на солнце шлеме и с мечом на боку. Туника его была украшена широкой пурпурной полосой, а поверх мускульного панциря красовался шарф белого цвета с золотыми крученными кистями. «Центурион, префект лагеря», - определил Павел наметанным глазом. На почтительном расстоянии от начальника перетаптывались, опираясь на копья, несколько солдат в грязно-серых туниках и красных плащах. Центурион пристально смотрел на приезжего. Потом молча поманил его пальцем, и Павел поспешил подойти к нему. Цепким взглядом купца он сразу оценил центуриона. Кожа поддоспешника и калиг новая, еще

неношенная. Под мускульным панцирем скрывалось довольно гладкое тело тылового начальника. Ногти на руках ухоженные, да и сами руки нежные - явно не знакомы с рукоятью меча. Грозный взгляд, сдвинутые брови – все это не могло теперь обмануть опытного торговца. Павел поклонился и с учтивой улыбкой произнес по-гречески:

- Хайре, прокуратор!

Брови центуриона расправились, взгляд чуть затуманился, но он тут же оглянулся – не услышал ли кто! Потом снова сдвинул брови и с должной строгостью ответил:

- Я не прокуратор, а префект... Патмоса. А ты кто такой, откуда и зачем прибыл на остров?

- Мое имя Павел. Я купец из Тарса.

- Еврей?

- Я римлянин!

- Ну да, теперь все римляне, куда ни плюнь. Цель приезда?

- Я привез товар.

- Что за товар?

- Палатки.

- Палатки?

- Да, палатки из верблюжьей шерсти. Очень теплые зимой, а летом могут использоваться как тент от солнца. Для римской армии скидка в треть цены!

- И сколько же ты хочешь за них?

- Десять денариев за палатку на пять человек. Для армии уступлю за семь.

- За шесть. За шесть и ни сестерция больше.

- Ах, ах, ты меня без ножа режешь! – горестно покачал головой Павел. Потом вздохнул и сказал:

- Ну, будь по-твоему, шесть так шесть - не везти же их обратно.

При этом он в уме прикинул прибыль – получалось сто пятьдесят процентов. Неплохо! Тыловой центурион победоносно усмехнулся и крикнул через плечо:

- Марк!

К нему трусцой подбежал маленький лысый толстяк в красной тунике и красных офицерских калигах. Ремень-балтеус, украшенный серебрянными накладками, - единственное, что выдавало его принадлежность к армии. Однако вместо меча на нем болталась большая связка ключей.

- Марк, - обратился к нему префект, - купи у этого еврея... у этого киликийского купца двадцать палаток для личного состава. Каждую проверь сам лично. Больше шести денариев за палатку не давай.

- Слушаюсь, - резво поклонился толстяк и, обернувшись к Павлу, жестом пригласил его следовать за собой. Павел учтиво поклонился центуриону и пошел за Марком к белому домику, у которого томился от жары часовой в броне и шлеме. Внутри здания было на удивление прохладно. Они вошли в комнату, которая видимо выполняла роль канцелярии военной части, но она же вполне могла быть и просто караульным помещением. Марк широким жестом предложил гостю сесть в кресло без спинки возле стола, а сам плюхнулся на деревянную кровать, застеленную потертым шерстяным одеялом. Он хлопнул ладонями и потер руки, весело глядя на Павла:

- Ну что, спрыснем сделку?

- Окажи мне часть, уважаемый Марк,

Марк наклонился к шкафчику и извлек из него кувшин с вином и две чаши. Потом покопался еще и достал миски с фигами и орехами. Все это он поставил на стол, разлил вино по чашам и разбавил его водой. Они подняли чаши, но тут Марк поднял палец левой руки и спросил:

- А как твое имя, уважаемый?

- Павел.

- Павел? Это я рядом стобой «павел» – я ведь меньше тебя ростом! – и он с удовольствием засмеялся своей шутке. Но видя, что гость его не поддержал, быстро прекратил смех и поднял свою чашу:

- Твое здоровье, уважаемый Павел!

- И твое, уважаемый Марк!

Они выпили и закусили фигами. Павел спросил:

- Ты здесь казанчей, уважаемый Марк?

- Я здесь все: и казначей, и писарь, и интендант. Как говорится: и швец, и жнец, и на дуде игрец.

- Если ты и писарь, то у меня будет к тебе будет маленькое дело, уважаемый Марк.

- Слушаю тебя, уважаемый Павел,

- Скажи, не знаешь ли ты такого ссыльного по имени Йоханан бен Завиди?

- Йо... нет не припомню. Сейчас посмотрю в списке ссыльных.

Он открыл шкаф, стоявший в углу комнаты, достал оттуда ящичек с пергаментными карточками и начал быстро перебирать их пальцами:

- А-а-а, так это Иван Завидный! Ну как же знаю такого, - он вынул одну карточку из ящичка и пробежал ее глазами, - Да, он. Он уже год как освобожден от общих работ по состоянию здоровья. Вот и заключение врача: «Непригоден для тяжелых работ по причине катаракты глаз и старческого слабоумия»

- Как, как? Старческого слабоумия?

- Так написано. Это врач написал, а он человек грамотный – эллинский врач аж с Коса, а там врачи знаменитые. Это был ежегодный медосмотр, он долго беседовал с Иваном, а потом вот это написал.

- И где теперь этот Иван?

- Он был расконвоирован, снят с довольствия – у нас ведь кто не работает, тот не ест – и отпущен на поселение. А теперь, я слыхал, он живет здесь недалеко в пещере с одним местным юношей, который его обслуживает, – он ведь практически слепой.

- А как найти эту пещеру, уважаемый Марк?

- А это я тебе скажу, уважаемый Павел, если мы договоримся, что я удержу по десять сестерциев с каждой купленной у тебя палатки. Договорились? Услуга за услугу – все стоит денег.

«Интересно, кто здесь еврей, я или он?» - подумал Павел, а вслух сказал:

- Договорились, уважаемый Марк.

- Вот и чудненько. А Ивана Завидного ты найдешь легко: прямо за таверной начинается тропа, которая ведет в горы. Иди по ней, не сворачивая, и придешь прямо к пещере Ивана.

- Благодарю тебя, уважаемый Марк. Скажи, когда здесь будет какой-нибудь корабль, идущий в Азию

- Корабль в Азию тут может быть только случайно, а вот на Самос плавает каждую неделю. И он будет здесь послезавтра. Ну а с Самоса уже легко можно добраться и до Эфеса, и до Милета.

- Могу ли я оставить свой товар здесь под твоим присмотром до послезавтра, уважаемый Марк?

- Легко, уважаемый Павел! Это будет стоить тебе всего три денария.

«Надо все-таки заниматься чем-то одним: или проповедовать или торговать, а то так и разориться недолго», - подумал Павел и растянул лицо в благодарной улыбке.

После того, как посланные Марком солдаты притащили тюки с палатками, Павел долго распаковывал их, долго демонстрировал покупателю свой товар, потом Марк долго отсчитывал серебро, а Павел его пересчитывал. Солнце минуло зенит. Павел

попрощался с интендантом и сразу пошел в портовую таверну купить продуктов. Он набрал полную корзину хлеба, сыра, вина и оливкового масла. Закинул ее себе на спину и согнувшись медленно пошел в направлении, указанном Марком. Жару нарушал легкий ветерок с моря, а тишину – пение цикад. Воздух был напоен запахом аниса, чабреца и лаванды. Тропинка петляла, то ныряя в заросли колючих кустарников, то мелькая среди скал и камней на самом солнцепеке. Дорога медленно поднималась в гору и пот уже начинал заливать глаза. Нестерпимо хотелось пить. Продуктов-то он накупил, а про воду забыл и теперь ругал себя за это. Но вот за скалой тропинка ушла вниз в распадок и оттуда на путника пахло блаженным запахом воды. Где-то там в кустах журчал ручеек. Павел возблагодарил Бога за этот подарок и долго пил студеной чистой воды. Потом передохнул немного у ручейка и начал подниматься вверх. Он был готов пройти еще столько же, но неожиданно за старым платаном ему открылась площадка перед входом в пещеру. Слава Богу, дошел! Павел отдышался и вошел в жилище отшельника.

Он шагнул в темноту пещеры и остановился, прикрыв глаза, чтобы они привыкли к полумраку после яркого солнца. Открыв глаза, он увидел вполне жилое помещение. Самодельный стол, табурет, какие-то полки с горшками и кувшинами. У стены ложе, которое было частью самой стены. На нем постелена какая-то шкура. Он не сразу обратил внимание на хозяина пещеры. Человек сидел на табурете спиной ко входу и лицом к стене. Он весь с головой был завернут в столу и что-то неразборчиво бормотал, раскачиваясь из стороны в сторону.

«Вполне себе персонаж Платоновой пещеры», - подумал Павел и громко поздоровался:
- Шолом, Йоханан!

Человек вздрогнул от неожиданности и повернул лицо к вошедшему. Это был старик, почти совсем лысый с седой всклокоченной бородой и застывшим взглядом невидящих глаз, напоминающих цветом сизые ягоды терновника. Он спросил хриплым голосом:

- Что я слышу? Еще один еврей на Патмосе? Ссылный или любопытствующий?

- Любопытствующий. Но и не только.

- Христианин?

- Ихтиос!

- Ихтиос! Как же ты на Патмосе – христианин и не ссылный? Как твое имя?

- Павел.

- Павел? – Малыш по-гречески. Не бывает евреев с таким именем.

- Я римлянин.

- Еврей и римлянин? На двух стульях сидишь – седалища хватает, еврей Павел?

- В молодости мое имя было Савл, но когда мне явился наш Господь Иисус Христос, я принял имя Павел.

- А-а-а, слышал я о тебе, «маленький апостол» - это ведь ты называешь себя апостолом и проповедуешь Христа среди язычников?

- Апостолом меня назвал Петр, когда я был в Иерусалиме на Соборе апостолов.

- Симон, что ли? Ну да, он был Симон – стал Петр, ты был Савл – стал Павел. Можно подумать, что вы злодеи, которые стыдятся делать свои темные делишки под настоящими именами и потому скрываются под кличками. Ну, и что же тебя привело ко мне, апостол-по-доверенности?

- Твое Откровение, пророк-по-неосторожности.

- Не ты ли будешь судия пророкам, бывший еврей?

- Я не судья тебе – судить тебя будет Христос на своем Последнем Суде. Но то, что ты написал, может иметь очень печальные последствия для наших общин, причем в самом ближайшем будущем. И об этом нам нужно серьезно поговорить, если мы действительно пастыри, которым Господь поручил пасти свое стадо.

- Значит вроде как бы с инспекцией приехал ко мне. Ну-ну, инспектируй, апостол язычников. А как ты нашел дорогу ко мне?

- Мне ее объяснил писарь из римского лагеря - Марк, маленький такой,

- А-а, «ночной центурион»!

- Почему ночной?

- А так его зеки прозвали, потому что настоящий центурион умеет только щеки надувать, а на самом деле всеми делами заправляет коротышка Марк.

- Это он тебя Завидным записал?

- Он, он. Услыхал историю с моей казнью, как я чашу цикуты выпил и жив остался и говорит: «Ты не Завиди – ты Завидный будешь». Так и записал: Иван Завидный. И он же меня от каторги отмазал – хороший мужик, зеки его любят.

- За что же тебя врач в сумашедшие записал?

- И это знаешь? А за Господа нашего Иисуса Христа.

- Как это?

- Да так. Начал он со мной беседовать, а я возьми да скажи ему, что видел воскресшего после смерти на кресте Иисуса. Он весь аж в лице переменялся. «Не может этого быть, - говорит, - не может человек, бывший три дня мертвым, воскреснуть». А я ему свое твержу. Он взбеленился совсем и говорит: «Ты, Иван, или идиот или прикидываешься идиотом». Я ему говорю, что никогда в жизни не врал. Тогда он мне и написал свой диагноз. А писарь Марк когда прочитал его, говорит: «Знаешь, Иван, я тебя на поселение отправлю. Толку от тебя в каменоломне, как от козла молока, только пайку свою зря ешь. Иди ка ты на свои корма». Вот я и живу тут уже второй год на своих кормах.

- А что за корма?

- Да какие там корма – живу подаянием. Да вот Прохор козу завел, молочком меня балует, да меда приносит – он тут борть нашел неподалеку, сейчас как раз пошел за добычей. Вернется – угощу тебя медом с молоком. Вот только с хлебом у нас туго – четвертый день без хлеба обходимся.

- Я принес и хлеба, и сыра и вина. Так что не ты меня, а я тебя угощу.

- Спаси тебя Христос, Павел! Сыр и вино – это Прошке, он молодой ему есть надо, а мне сейчас дай кусочек хлебца пожевать, а то я уже его вкус забыл. Павел отломил кусок хлеба и вложил его в руку старика. Тот торжественно откусил немного и, закрыв глаза от удовольствия, несколько минут молча жевал беззубым ртом. Потом открыл глаза, улыбнулся и неожиданно спросил:

- Что, страшно стало, когда прочитал мои пророчества? Признайся - испугался?

- Я боюсь только одного: что твое пророчество осуществится не так скоро, как ты думаешь, - ответил Павел, выкладывая на стол продукты из своей корзины.

- Не понимаю тебя.

- А ты ответь мне, как скоро все это произойдет?

- Скоро.

- А как скоро?

- Смертным не дано знать времена и сроки. Но думаю, что многие из ныне живущих увидят то, о чем я написал.

- Я так и думал... Ну а если нет. Если все ныне живущие благополучно упокоятся на кладбищах. Что тогда делать новому поколению? Учиться уму разуму, пахать и строить или плюнуть на все и ждать конца света? А если они решат все-таки плюнуть на все, то кто за это будет отвечать на Суде Божьем, не ты ли, пророк Йоханан?

- Я - только глаза, уши и язык для слова Божия. Что видел, то и свидетельствовал, и на все воля Его.

- Вот именно, что и язык! Ты видел, это да. Но все остальные только прочтут то, что и, главное, как ты написал.

- Что тебе не нравится в том, как я написал?

- Мне вообще не нравится, что ты это написал именно сейчас. Не время сейчас для таких пророчеств. Но еще больше мне не нравится, что ты свои видения возводишь к образам и символам торы.

- Что же в этом странного для иудея?

- Для иудея как раз ничего странного и нет. Но ты забываешь, что твое Откровение читают тысячи вчерашних язычников, эллинов, для которых эти образы и символы ничего не говорят.

- И что с того?

- А то, что они будут додумывать и объяснять себе твои видения совсем не так, как ты предполагал. Понимаешь, ты написал одну книгу, а они будут читать совсем другую книгу. И это очень опасно для будущего, которое, я думаю, нас все-таки еще ожидает.

- На то и поставлены в церквах епископы, люди искушенные в торе, чтобы объяснять своей пастве непонятные места.

- На всех епископов не хватит! Тем более, когда читать твое Откровение будут языческие умники или люди из окружения императора.

- Ты думаешь, что слово Божие проникнет и в императорский дворец?

- Увы, я уверен, что оно уже туда проникло.

- Разве это не замечательно?

- И замечательно, и страшно, потому что грозит всем нам многими бедствиями.

- Ты боишься, потому что ты не настоящий апостол. Когда на нас, апостолов, на пятидесятый день после воскресения Господа, сошел Дух, мы не только заговорили на чужих языках, но и обрели бесстрашие для проповеди Христовой по всему миру.

- Языки я и так знаю. А вот кроме бесстрашия хорошо бы еще и ум иметь, чтобы глупостей не натворить.

- Что ты называешь глупостями, маленький апостол?

- А то, что я тебе уже пытался объяснить, но ты видимо не понял: символы торы, которые обязательно станут камнем преткновения для образованных эллинов. Вот ты написал о числе зверя 666. Каждый грамотный иудей понимает, что речь идет о власти денег, о богатстве. А эллины начинают рассуждать логически и вот уже нашлись умники, которые прочитали в этом числе имя императора Нерона. А как ты думаешь, когда это дойдет до самого императора, что он сделает с христианами? Прежде чем писать, неплохо бы и подумать, к чему приведут твои писания.

- Это писатель думает. А дело пророка свидетельствовать то, что он видит. Да, я иудей, и могу писать только как иудей. Что мне до греческой учености? Мы в академиях не обучались, ни в Афинах, ни в Александрии. Все что я знаю – я знаю из торы.

- То-то и оно, что ни в Афинах, ни в Александрии... Вот ты и пишешь о Новом Иерусалиме, а у эллина сразу вопрос: а что же Новые Афины и Новая Александрия, будут ли они и какими они будут? Ты говоришь, что в Новом Иерасалиме храма уже не будет, потому что Бог будет все и во всем. А библиотека будет?

- Какая библиотека, зачем?

- Вот то-то и оно «зачем». А эллинская ойкумена вся располагается не вокруг храма, а вокруг библиотеки. И у них возникает вопрос: когда Бог будет все и во всем, будет ли библиотека, будет ли эллинское образование, философия? Что ты им ответишь?

- Зачем нужна библиотека и образование, если Бог везде и человек прямо может обратиться к Богу?

- Значит и ум человеческий уже не нужен? Значит блаженны идиоты? Может Бог по ошибке создал человека по образу и подобию своему, с умом и мышлением?

- Что ты ко мне пристал со своим умом! Сказано «Блаженные нищие духом, ибо их есть Царствие Божие»
- Но ведь сказано также: «Блаженны алчущие и жаждущие истины, ибо они насытятся».
- Вот именно «насытятся», и значит никаких библиотек уже не нужно будет. Вообще если во всех книгах, что хранятся в библиотеках говорится о том, что уже есть в торе, то зачем они нужны? А если в них говорится не то, что есть в торе, то тем более зачем они нужны?
- Ты сам не понимаешь, какую страшную вещь ты сейчас сказал! Ведь если кто-то примет эту твою мысль на вооружение, то библиотеки будут уничтожаться из благочестия.
- Если придется выбирать между благочестием и библиотекой, то я выберу благочестие!
- И отсечешь от церкви всех, кто ходит в библиотеки!
- Туда им и дорога, всем этим еретикам и язычникам – в геенну огненную!
- И останешься ты в своем Царстве Божием один, как самый праведный, потому что не будет в нем других, с кем бы ты мог сравнить себя...
- ... а ты бы открыл царство Божие для всех? Для еретиков, грешников, язычников? Тогда это будет на Царство Божие, а бордель!
- Хочу тебе напомнить, архиправедник Йоханан, слова пророка Иезекииля: «говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был». Нужно работать с тем человеческим материалом, который есть. Ведь и Иисус проповедовал не среди фарисеев, а среди мытарей и блудниц
- Это ты мне будешь рассказывать, кому проповедовал Иисус? Разве ты ходил вместе с нами по Галилее, Самарии и Иудее? Может быть это ты преломлял вместе с ним хлеб на последней вечери? Или ты видел своими глазами как его распинали на кресте? Кто ты такой вообще?
- Я бывший фарисей и гонитель христиан, которого Христос призвал на проповедь среди язычников-эллинов. И я вот уже тридцать лет исполняю это послушание. И за это время я очень хорошо изучил свою паству. Я знаю как они думают, чем они живут, что такое эллинская ойкумена. А ты этого не знаешь.
- А мне это и не нужно!
- Ошибаешься. Если ты к ним обращаешься, то и тебе это нужно. Нужно понимать тех, к кому ты обращаешься, а иначе и они тебя не поймут. Как прокуратор Понтий Пилат не понял Христа. Помнишь, как он спросил его «Что есть истина?» А почему он так спросил? Потому что это нормальная реакция эллинской учености. Он ждал логического обоснования в духе Аристотеля. А в ответ услышал: «Я есть Истина». А это для эллина находится за пределами логики. Для них в основе истины лежит логос, а не онтос, пусть даже онтос самого Христа.
- Что же прикажешь мне на старости лет изучать Аристотеля?
- И не только Аристотеля, но и Платона, а через него и Сократа. Ты пойми, что тора эллинов – это философия.
- Это языческая ересь!
- Ты сейчас говоришь не как разумный садовник, а как глупый лесоруб. Вот перед тобой дикий сад, заросший кислой алычей. А ты хочешь, чтобы тут росли сладкие сливы. Как поступит лесоруб? Он вырубит всю алычу под корень и потом посадит сливы, и будет ждать несколько лет, пока они подрастут и начнут приносить плоды. А умный садовник привьет ветки сливы к стволам алычи, и дикая алыча будет питать своими соками эти ветви. И богатый урожай он получит уже на следующий год.
- Ты призываешь меня идти в обучение к еретикам!

- Не всякое разномыслие есть ересь. Если философская ученость ведет человека к Богу, то она не есть ересь, но еще один путь, на котором Бог ожидает своего блудного сына. И если в Иудее предтеча Христа это Иоанн Креститель, то у эллинов его предтечей оказывается Сократ – он принял на себя добровольную смерть от рук грешников, которые через эту смерть оказались «крещены» в его философию. А первым апостолом этой философии был Платон. Его диалоги – это Евангелие о Сократе. Нам ли отвергать эту мудрость?

- На что нам это суетное знание, когда с нами сама Истина - Христос?

- Если ты не сумеешь объяснить это философам на понятном для них языке, то ты не сумеешь привести их к спасению?

- Пусть, пусть спасутся немногие верные, но именно они спасутся, когда придет Христос судить грешников и еретиков!

- И он не отблагодарит тебя за то, что ты отверг всех этих еретиков только потому, что они мыслят по-другому. Ведь Христос пришел в этот мир, чтобы призвать грешников к покаянию. А что ты сделал для этого покаяния? Напугал их до смерти своими видениями, так что они пустились во все тяжкие, чтобы хоть напоследок сладко пожить. Это так ты пасешь стадо, которое тебе завещал Христос?

- Нет во мне и не будет примирения с грехом и ересью!

- Любви в тебе нет, вот что.

- Это во мне нет любви? Не я ли любимый ученик Иисуса? Не я ли любил его больше всех других его учеников? Не мне ли он завещал свою мать, о которой я заботился как сын до самой ее смерти?

- Да, его ты любил, а людей ты любишь так, как он их любил? Может ты думаешь, что напугав их своими видениями, ты обратишь их души к любви? Страх и любовь - это две большие разницы, как говорят у нас в Тарсе. Что толку в твоих пророчествах, если любви нет? Если ты имеешь дар пророчества, и знаешь все тайны, и имеешь всякое познание и всю веру, так что можешь и горы переставлять, а не имеешь любви, — то ты ничто. И даже если ты говоришь языками ангельскими, но любви не имеешь, то ты — медь звенящая или кимвал бряцающий.

- Медь звенящая? Это истины о последних временах, которые мне Бог открыл, ты называешь медью звенящей?

- Ну открыл он тебе видение конца света, и что? Должен ли ты раструбить об этом на весь свет, чтобы смутить малых сих? Они ведь не видели того, что видел ты. Они только могут прочесть то, что ты написал. А что они поймут из написанного тобой, ты подумал?

- Так что же молчать, скрывать от людей истину? Так по-твоему?

- Иногда лучше и промолчать – больше пользы будет,

- Пользы? Теперь я слышу речь еврея! Если ты ищешь пользы, то занимайся торговлей, а не проповедуй слово Божие! Чего ты лыбишься, что тут смешного?

- Просто сейчас ты, сам того не зная, повторил слова одного из эллинских математиков – Евклида. Он так же ответил своему ученику, который спросил его о пользе математики.

- Значит правильный был язычник,.. хоть и математик. Всем им астрологам и астрономам гореть в геенне огненной.

- А не жаль, что среди них будут и «правильные»?

- Господь разберет, кто правильный, а кто нет...

Они замолчали. И тут Павел заметил, что уже давно наступил вечер. В пещере сгустились сумерки, а от входа тянет прохладой и запахами отдыхающей от дневной жары растительности. Появился Прохор, молодой человек лет двадцати с длинными волосами, завязанными на затылке веревочкой. Он неслышной тенью скользил в

темноте пещеры, убирая со стола принесенные Павлом продукты. Прохор поставил на стол маслянный светильник и вся пещера осветилась уютным мерцающим пламенем. Павел вдруг ощутил голод, впервые за этот длинный день. Прохор подал Иоанну хлеб для благословения и стал его резать. Потом налил в чаши вина, разбавив его водой из кувшина. Иоанн прочитал «Отче наш» и они начали свой нехитрый ужин. Ели молча. Иоанн за весь ужин не произнес ни слова. Покончив с едой, он повернул голову к Павлу и сказал:

- Поздно уже, давай спать. Прохор тебе постелит вон там у выхода из пещеры.

- Нет, спасибо, я лучше лягу на свежем воздухе, ночь такая теплая.

- Ну смотри, как знаешь...

Прохор поставил ему плетенное ложе под раскидистым платаном у входа в пещеру.

Павел поблагодарил его и уже хотел ложиться помолясь, но Прохор не уходил, как бы ожидая чего-то еще от апостола.

- Ты чего, Прохор? – спросил его Павел.

- Да, вот, я краем уха слышал ваш разговор и хочу спросить тебя, апостол. Понимаешь, мне важно это знать: я ведь собирался жениться, когда мы со старцем вернемся в Эфес. А тут конец света, я ведь сам все это записывал. Жуть и мрак. Куда тут жениться. А ты вот сказал, что может нескоро это случится. Так вот я и хотел тебя спросить – скоро или нескоро?

- Женись, Прохор, и ни о чем не беспокойся – не будет конца света при твоей жизни. Да и при жизни твоих детей тоже. Старец немного напутал с временами и сроками.

- Это точно?

- Не сомневайся. И другим нашим братьям скажи, что жизнь продолжается. А если спрашивать будут откуда знаешь, говори: «Апостол Павел сказал».

- Слава тебе Господи! – сказал Прохор с облегчением.

- Ступай с Богом, - Павел благословил его и начал читать вечерние молитвы под куполом мерцающих звезд, загипнотизированных стрекотом цикад.

День четвертый

Утро выдалось как само присутствие Божие. Павел открыл глаза и залюбовался игрой солнечных бликов и теней сквозь листву платана. Воробьи весело чирикали, перелетая с ветки на ветку. Павел встал и вышел на площадку перед пещерой. Деревья закрывали вид на залив, но дальнее море и Азийский берег давали глазам насытиться голубым простором. Солнце поднималось над фиолетовыми громадами Азийских гор, по пути быстро утрачивая румянец невинности. Но он еще успел окрасить нежным розовым цветом торчащие из моря островки и скалы и чуть-чуть коснуться перистых облаков, делая их похожими на крылья ангелов. Весь пейзаж был хором – хором серафимов и херувимов, ангелов и архангелов, славящих Бога и его творение. Только человек этот хор не мог слышать. Зато он мог его видеть! «Откуда он здесь взял конец света? – подумал Павел, - Ах, да, он ведь слепой. Может не случайно Господь лишил его земного зрения, чтобы он мог внимательно разглядеть мир горний?» Он закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам. «А что? Может и мне уйти от мира и поселится тут в какой-нибудь пещере анахоретом. Каждое утро видеть эту красоту, благодарить Бога за нее и ничего не желать... Получается моление о чаше – «мимо пронеси», а это неприемлемо для узника Христова. Потому что уже продуман распорядок действий и неотвратим конец пути. Нельзя примерять на себя чужую судьбу – только свою

искалечишь, а чужой жизни все равно не проживешь. Да, тот кто держит руль моей судьбы, уж поднял парус. Что-то меня на стихи сегодня тянет...»

Прохор нашел Павла молящимся на площадке перед пещерой и передал ему приглашение старца. Павел вошел в пещеру и увидел Иоанна сидящим за столом, на котором лежал хлеб и стояла чаша с вином. Иоанн встал и обратился к нему неожиданно дрогнувшим голосом:

- Малыш! Я могу тебя так называть?

- Можешь, конечно, - я ведь и есть самый младший из апостолов.

- Нас двое теперь, а Христос говорил «где двое соберутся во имя мое, там и я среди них». Совершим же вместе евхаристию, как он нам завещал, - преломим хлеб и причастимся вином Нового завета.

Павел почувствовал на своих глазах слезы умиления:

- Да будет так!

Иоанн взял хлеб со стола, разломил его на три части и дал каждому по куску:

- Вот хлеб Нового завета, который мы едим в воспоминание о Господе нашем Иисусе Христе.

Каждый из присутствующих откусил кусочек хлеба. Иоанн поднял чашу с вином и сказал:

- Вот кровь нашего Спасителя, причастимся ей, как он нам завещал.

Он пригубил чашу и протянул ее Павлу. Тот отпил глоток и передал чашу Прохору.

Прохор отпив, вернул чашу Иоанну. Иоанн возгласил:

- Христос среди нас!

Павел с Прохором хором ответили:

- Христос среди нас!

Иоанн опустился на табурет. Вслед за ним сели остальные и молча продолжили есть свой хлеб, по очереди прикладываясь к чаше с вином. Каждый при этом думал о своем. Иоанн погрузился в прошлое, в очередной раз пытаясь договорить с Учителем что-то важное для себя. Прохор похоже вообще ничего не думал, а только с немым восхищением взирал на апостолов. А Павел улетел в своем воображении в будущее, которого оказалось слишком много: история все длилась и длилась людским несовершенством. Каждый с пиететом относился к своему невежеству и с презрением и ненавистью к чужому знанию – на том все и крутилось. Человеческого «хочу» было как всегда много, а человеческого «должен» было как всегда мало. А он, Павел, все говорил и говорил, все увещевал заблудших сквозь летящие навстречу тысячеления. «Уж не уготовил ли мне Господь судьбу Агасфера?» - подумал Павел. Но тут же догадался, что это его эпистолы звучат над потоком времени. «Слава Богу! Значит не зря я потрудился в этой жизни. Слово Истины в каждом новом поколении должно звучать заново, потому что человек рождается греховным. И нужно снова и снова трудиться, чтобы сделать из него подобие Божие. Труд небесмысленный, но безрезультатный, если история так и будет длиться». Его размышление прервал голос Иоанна:

- Прохор! Собирай на стол, будем завтракать...

После завтрака Прохор не торопясь убирал со стола. Апостолы сидели молча. Наконец Иоанн нарушил молчание:

- Прощка! Пойди козу подои, что ли,

- Дак я утром уже доил ее,

- Ну, тогда за медом сходи,

- Дак я вчерась ходил уже, вон он мед стоит на полке,

- Ну так просто пойди пройдишь куда-нибудь! Нам с апостолом Павлом поговорить надо.

Проход мгновенно перестал возиться с посудой, поклонился апостолам и вышел из пещеры.

- Хороший парень, добрый, услужливый, работающий... но уж очень тупой, - вздохнул Иоанн.

- «Блаженны нищие духом»? – улыбнулся Павел

- Вот, вот. Это о нем... Вот об этом я и хотел поговорить с тобой, Малыш, не смущая неокрепший ум Прохора.

- О нищих духом?

- Наоборот, о «жаждущих истины». Я ночью не спал, все думал о том, что ты мне вчера говорил об ученых эллинах. И вот что мне в голову пришло: а ведь в миру мы делаем одно и то же дело

- Кто это мы?

- Ну, мы, церковь Божия, и они, стяжающие знания. Ведь что такое мир сей? Это жизнь во власти чревоугодия, похоти и возвышения над ближним. И заповеди Моисеевы даны нам для того, чтобы бороться с этими бесами. Ну а ученый эллин, тот же Евклид, о котором ты рассказывал, он разве не одолел в себе тех же бесов во имя своего знания? Значит и он не от мира сего, как и мы?

- Философы часто бывают подвержены греху гордыни и тщеславия...

- А то мы, пастыри, не бываем ему подвержены? Но нас спасает Христос, перед которым мы каемся в своих грехах. А их, философов, что может спасти?

- Может быть смирение перед бездной неведомого, которая им открывается, – вопросов у них всегда больше, чем ответов.

- Вот, вот, вопросов всегда больше... а ответ один на все вопросы – Христос! А они этого не знают и потому гореть им всем в геенне огненной, - задумчиво закончил Иоанн. Павел помолчал, потер затылок с каким-то страдающим выражением лица и потом, как бы вспомнив что-то, обратился к Иоанну:

- Вот ты говоришь «язычники», «еретики», в «геенне гореть им всем». А я, представь себе, знаю истинно благочестивого язычника. Может быть самого благочестивого человека из всех, кого я встречал в своих путешествиях. Рассказать?

- Расскажи. Мне интересно послушать, что ты называешь благочестием.

- Было это десять лет назад, когда я впервые посетил Афины. Из Пирея я напрямик отправился на Акрополь, к скале Ареопага, чтобы выступить перед собранием самых почтенных мужей города.

- А что такое Ареопаг?

- Это вроде Иерусалимского Синедриона, и заседают в нем языческие «фарисеи» и «саддукеи», которых называют ареопагиты. Вот я и обратился к ним с благой вестью о Спасителе. А сказал так: вы, говорю, эллины, благочестивый народ, потому что у вас есть в Пирее храм неведомому богу. Вы приносили ему жертвы, не зная его. Но теперь я принес вам весть о том, кому вы поклонялись, не зная его. И рассказал им об Иисусе, о его смерти и воскресении...

- Ну и что они, уверовали?

- Нет. Тогда не уверовали. Но слушали меня доброжелательно, не из-за того, что я говорил, а оценив по достоинству ораторский прием, который я использовал, - опровергнуть опонента, согласившись с ним. После моего выступления ко мне подошел один из ареопагитов, благородный муж по имени Дионисий, и сказал мне: «Мы, эллины, еще более благочестивы, чем ты думаешь. Бог, которому посвящен храм в Пирее, так и останется неведомым, потому что истинный Бог не может быть познан человеком».

- Верно говорит – в книге Исход сказано: «Бога нельзя увидеть», а значит и познать нельзя.

- Но он-то не читал тору! И тут он сказал совершенно замечательную вещь: «Но человек сотворен Богом так, что может познавать мир, который тоже сотворен Богом. То есть человек может познавать все вокруг, что не есть Бог. И когда он познает весь мир, тогда то, что останется непознанным, и будет сам Бог. Это есть апофатическое познание Бога, в котором и заключается благочестие эллинской философии». Я был поражен открывшейся мне истиной и спросил его: «Где обучают такой мудрости?». И он ответил: «Здесь, в Афинах, в Платоновской академии». Вот тебе и язычники. Разве можно отвергать знание, которое в конце концов приводит человека к познанию Бога?

- Что же ты хочешь, посылать всех христиан на обучение в Платоновскую академию?

- Зачем всех? Я не наивный человек и знаю, что не каждого нужно учить уму-разуму. Но те, кто тянется к знаниям, должны пройти курс греческой философии. Это разовьет их ум. Из их числа можно будет поставлять грамотных и умных епископов в наши общины. Они смогут найти слова, убедительные для эллинов так же, как убедительны для иудеев слова торы.

- А не занесут ли они вместе с этими словами и ересь в наши общины?

- На то это и живая жизнь, чтобы в ней возникали разные мнения. Дело не в том, будут ереси или не будут их – они обязательно будут появляться. Дело в том, чтобы наши пастыри имели ум и знания, которые позволят им побеждать эти ереси в открытой полемике. А для этого они должны быть эллински образованными людьми.

- Не знаю, не знаю... Мне все это трудно принять, я слишком стар, чтобы менять свои убеждения. Это ты у нас ушлый апостол: вчера – фарисей, сегодня – христианин, завтра, глядишь, - платоник, какой-нибудь. Завидна мне такая легкость духа...

- Главное, чтобы дух Божий не угасал в человеке!

- А Божий ли это дух? Вот что надо испытывать!

- И желательно в геенне огненной, так по-твоему?

- Если надо, то и в геенне!

- А тот, кто будет определять, надо или не надо, он будет иметь хоть какое-то представление об эллинской философии, или с него торы достаточно?

- По-моему, в торе есть все, что нужно для спасения. А все эти эллинские премудрости не от лукавого ли?

- Значит все-таки «Блаженны нищие духом»?

- Наверное так.

- Боже мой, Боже мой! Я уже предвижу те времена, когда благочестивые христианские епископы будут закрывать академии и жечь библиотеки по всей эллинской ойкумене. Они, начитавшись твоего Откровения, устроят геенну здесь, в этом Божьем мире, не дожидаясь объявленного тобою конца света. Воистину благочестие глупца неотличимо от нечестия злодея...

- Это ты меня имеешь в виду?

- Нет, что ты, почтенный апостол, это я о себе вспомнил. Ведь я из собственной глупости и фарисейского рвения участвовал в побиении камнями диакона Стефана в Иерусалиме. Мне тогда еще тринадцати не было, но я жаждал смерти еретиков-христиан, одним из которых позже и сам стал. Я с ужасом думаю о том времени, когда такие вот безмозглые подростки во славу Божию начнут громить библиотеки и убивать еретиков, читающих книги в этих библиотеках.

- По-моему, Павел, ты слишком заботишься о еретиках, и обходишь своим вниманием праведных христиан.

- А как правильно провести границу между ними? И кто эту границу проведет? Ты, епископы, община большинством голосов? Кто?

- Я думаю, только Бог, которому открыто сердце каждого, может точно определить кто верный ему и достоин Царства Небесного, а кто уклонился в ересь и должен быть брошен в геенну огненную.

- Не значит ли это, что следует, не смущаясь возможной ошибкой, смело истреблять всех подозреваемых в ереси, а там Бог сам определит кто есть кто? Ведь праведников все равно ожидает Царство Божие?

- Ну ты, Павел, совсем уж меня за злодея держишь! Разве я призывал убивать всех без разбора?

- Ты не призывал, но логика твоя вполне это допускает. Я же говорю тебе, что тебя будут читать эллины, которые знают законы Аристотелевой логики. И они увидят следствия твоих посылок, и тогда вполне может случиться, что христианское благочестие окажется запятнано бесчеловечностью невежества.

- Вот ты меня и в бесчеловечности обвиняешь. А ведь я в Откровении обращаюсь к Азийским церквям со строгостью, но и с любовью, чтобы они покались в своих грехах и встали на путь истинный.

- Любовь у тебя какая-то устрашающая выходит, Воанергес.

- А какая она должна быть, любовь?

- Любовь? Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

- Красиво говоришь, прямо хоть записывай за тобой. Сразу видно, что ты человек книжный. Но жизнь – не книга: когда приблизился последний час мира сего, нет больше времени долготерпеть и надеяться, как ты говоришь.

- А он действительно приблизился?

- Ты же читал.

- Читал. Но я читал в Евангелиях, что и Иисус говорил: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». А ведь прошло уже больше тридцати лет с тех пор. Теперь ты написал, что конец света близок. Ну а если пройдет еще тридцать лет, или шестьдесят, или сто, а Царство Божие так и не наступит, тогда что?

- Ты что, не веришь слову Божию?

- Я не верю тем, кто называет времена и сроки, которые не дано знать людям. Ведь и тебе это было сказано Господом перед его вознесением. А значит надо жить как всегда, растить новые поколения, учить их уму-разуму, попросту любить их. Потому что любовь – это единственное, что никогда не перестает, когда пророчества наконец прекратятся.

- А ты бы хотел, чтобы они прекратились?

- Часто говоря, хотел бы. Они мешают нормальному течению жизни. А ведь нас Господь послал в мир именно для того, чтобы мы обычную ежедневную жизнь людей сделали праведной. А это достигается только любовью, которая долготерпит и милосердствует, причем, каждый день...

- ... каждый день, да... А знаешь, Павел, ведь у Бога-то нет будущего. Бог не может смотреть на мир так, как смотришь ты, заботясь о будущем. Для Бога все только теперь и сейчас.

- Поэтому и конец мира уже сейчас?

- А как же иначе, именно теперь и сейчас. И мы по-другому думать не должны. Хотя и можем вот так сидеть и рассуждать: будет – не будет, теперь или нескоро. Это потому, что мы, люди, думать можем только во времени – это и есть наши рассуждения, наша логика – если тебе так угодно. А у Бога логики нет, потому что в «теперь» некуда ее длить.

- А что есть вместо логики?

- А ты не догадываешься, апостол любви? – Любовь есть. Любовь, которая обнимает весь этот мир в его прошлом, настоящем и будущем. Бог и есть эта любовь.

- А ты не прост, Йоханан.

- А ты думал найти здесь полубезумного припадочного старика, погруженного в собственный маразм?

- Да, примерно так я и думал, извини.

- Да вообще ты прав - я и есть такой припадочный старик. Необразованный, мало знающий. Но мне в жизни повезло: я долго жил в одном доме с Марией, матерью Господа нашего. И я видел, как преображается мир и все люди вокруг от ее любви. Понимаешь, все вроде бы остается таким, каким было всегда, не очень привлекательным, часто и неприятным, но это все становится почему-то заслуживающим моей любви. Вот я тогда и подумал, что так наверное Бог любит весь свой мир. Любовь вместо многомудрия. Бог любит весь мир, не предаваясь человеческим рассуждениям. Поэтому Бог и есть любовь и по-другому человеку не дано Его постичь... Ты видел ее портрет?

- Видел – мне апостол Лука его показывал, когда мы с ним странствовали по Азии и Ахайе.

- Лука верно ее изобразил – это не портрет женщины, это портрет самой любви... Когда я ее похоронил, я не мог больше оставаться в Эфесе и уехал в Рим. Тем более, что Симон меня давно туда звал. Вот и поехал, да напоролся на «милость» Нерона. И поделом! Рим – это не место для отшельника. Это город для сенаторов, императоров да Симона, который хоть «камень», да краеугольный. А мне Патмос в самый раз, так что Нерона можно поблагодарить за то, что он сослал меня сюда.

Старик улыбнулся. Павел взглянул на него и понял, что настал подходящий момент для главного разговора:

- Ты, Йоханан, не пиши больше о конце света...

Иоанн внимательно посмотрел на Павла невидящими глазами:

- Это твоя просьба или..?

- Или, - вынужден был ответить Павел под этим взглядом. Иоанн усмехнулся:

- Я так и понял. Не подумай, я не осуждаю тебя, - ты крутишься в миру и тебе решать как себя вести с сильными мира сего. Только не впадай в служебный восторг, а то забудешь для чего ты в этот мир призван.

- Не подумай, что я пошел на службу к римскому наместнику. Просто так сложилось, что его интересы совпали с моими.

- Вот, вот. Смотри, чтобы исключение не стало правилом... Можешь передать наместнику, что я не буду больше писать о конце света. Мне уже вообще пора перестать писать.

- Напиши о любви, Йоханан.

- Я не ритор, как ты, и не найду нужных слов для этого.

- Нашел же ты нужные слова для меня. Напиши то, что ты рассказал мне, пусть это прочитают верные из эллинов, они смогут по-новому взглянуть на свою ученость.

- Не знаю... Может и напишу, хотя тут не писать надо, а просто жить в любви... или хотя бы рядом с ней.

Они помолчали. Иоанн улыбнулся ему и сказал устало:

- Ступай, Малыш, мне отдохнуть надо.

Павел вышел из пещеры, задумался на мгновение и пошел искать Прохора. Он нашел его возле ручья. Прохор сидел на камне и смотрел на воду. Павел тронул его за плечо. Тот вскочил и поклонился апостолу. Павел достал из своего пояса кошель проконсула и протянул его Прохору:

- Вот, возьми эти деньги и проследи, чтобы у старика был хлеб на каждый день. Здесь денег достаточно вам обоим до конца ссылки, да еще и на дорогу до Эфеса хватит.

Прохор просиял, с поклоном взял деньги и поцеловал руку Павла:

- Тебя нам послал Господь!

- Всякий дар от Бога, - ответил Павел, но тут же вспомнил лицо проконсула Квинта Эмилия и мысленно добавил: «Ибо нет власти не от Бога».

- У меня просьба к тебе, Прохор.

- Все, что угодно, отче!

- Не найдется ли у тебя кусочка чистого пергамента?

- Конечно найдется, я сейчас принесу,

- И перо с чернилами не забудь. Я буду у своего ложа под платаном.

Прохор принес свой табурет вместе с писчими принадлежностями и Павел, сидя на ложе, использовал его в качестве стола. Когда Прохор удалился, Павел развернул лист пергамента, обмакнул перо в чернилницу, вспомнил ставших родными лица своих верных в Коринфе и начал писать:

«Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, церкви Божией, находящейся в Коринфе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.»

Время перестало течь. Солнце как во времена Иисуса Навина остановилось где-то над платаном. А Павел выводил слово за словом свой гимн любви, который, он теперь точно знал это, останется в веках и будет звучать для каждого поколения заново как в первый раз: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.» Мир вокруг застыл, внимая этим строкам. И было странно и неожиданно, когда вечерняя тьма все-таки опустилась на исписанный лист пергамента. В эту ночь Павел спал крепко и сон его был наполнен счастьем.

День пятый

После завтрака они стали прощаться. Иоанн почти с нежностью смотрел на Павла:

- Куда ты отправишься теперь, Малыш?

- В Эфес, к своей пастве. Успокою их, скажу, что апостол Йоханан пошутил, что конец света отодвигается на неопределенный срок, так что надо покаяться в грехах и постараться дальше жить праведно.

- Это что – шутка? – нахмурился Иоанн.

- Почти.

- Ты со мной так не шути. Меня ведь Иисус не зря называл Воанергес, он видел меня во гневе.

- Гнев апостолу не к лицу. И вообще, ты ведь уже достаточно прожил, чтобы расстаться с этими грубыми привычками галилейского рыбака.

- А что? Я и есть галилейский рыбак, как и Симон, между прочим, - морщины на его лбу снова разгладились и он улыбнулся.

- Симон уже давно не Симон, а Петр – римской епископ.

- Он всегда мечтал о «деканских лычках», такая уж его натура. Он и при жизни Иисуса все порывался всеми командовать, но тот ему воли не давал. Ему бы в римскую армию записаться, он бы уже в легаты вышел. Он ведь и в Рим отправился, чтобы не быть вторым в Иерусалиме – понял, что пока жив Иаков, брат Господень, ему не быть епископом. Я его встречал в Риме, перед тем как Нерон решил меня казнить. Боюсь, что

ему не хватит мужества пойти на казнь, когда и на него обратит свое внимание император. Очень уж он любит себя в этой должности.

- Я верю, что Господь не оставит его во дни испытаний,

- Дай-то Бог. А ты, Малыш, боишься смерти?

- Уже нет. Мне уже поздно ее бояться. Я из Эфеса в Иерусалим поплыву, а там меня уже поджидают «праведники» из Синедриона. Чувствую, что осудят они меня. И придется мне тоже ехать в Рим на суд императора – я ведь римлянин.

- Хоть иудей, хоть римлянин, а конец один. А я срок отмотаю и в Эфесе схоронюсь. Второй раз в пасть к этому зверю не хочу. Даст Бог, там и дождусь второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

- А если не дождешься? – Павел хитро прищурил один глаз. Иоанн метнул в него сердитый взгляд из-под мохнатых бровей, потом вздохнул, посмотрел задумчиво вдаль и уже спокойно сказал:

- А не дождусь, так там меня Прощка и похоронит рядом с ней – с Марией. Мне героическая смерть не нужна – я простой рыбак.

- Ты не простой рыбак, Йоханан, - ты поэт!

- Чего это? – он недоверчиво взглянул на Павла.

- Простой рыбак мог бы конечно написать о трех конях: сивка, бурка, каурка – это из детства. А вот «конь бледный» - это мог написать только поэт. Это у тебя еще будут заимствовать другие поэты. Поверь мне, я знаю что говорю.

В глазах Иоанна заблестели слезы:

- Спасибо. Мне даже неловко это слушать от тебя, Малыш. Но приятно. Дай я тебя обниму на прощание – ведь не свидимся уже больше в этом мире...

Они обнялись. Павел неловко отодвинулся от старика, вскинул свою плетенную корзину на плечо и, немного осипшим голосом сказал:

- Прощай, Йоханан

- Прощай Савл, Малыш. Храни тебя Христос!

Павел сделал несколько шагов к выходу из пещеры, потом повернулся и уже нарочито бодрым голосом добавил:

- Помни, что я говорил тебе об эллинской философии. Подумай...

Павел шагал вниз по знакомой тропинке и почему-то улыбался. Ему было хорошо. Без причины, просто так, как бывает только в молодости, когда причина этого «хорошо» находится внутри тебя самого, а мир вокруг просто подстраивается под это «хорошо». Вдруг он резко остановился: «А что собственно «хорошо»? Я ведь так и не выполнил миссию, с которой меня сюда послал наместник. Мне нечего ему сказать, кроме того, что я уже говорил, но это все так неубедительно для него... и для императора. А что может убедить Нерона, этого безумца?... Стоп! Стоп! Вот и решение – безумец! Да, именно этому Нерон поверит, должен поверить! Если есть документ. А он есть, он должен быть, его мне сделает Марк. О, жадный маленький писарь, я заплачу тебе пять денариев за эту справку. Только бы он оказался на месте. Только бы он оказался на месте...» Ноги сами собой повторяли ритм этой фразы, а он едва поспевал за ними вниз по тропинке среди колючек и камней. Его наполняло предчувствие удачи, какое бывает, когда сделка, сулящая хороший барыш, вот-вот состоится. Павел не заметил как оказался возле белого домика канцелярии лагеря. Он кивнул скучающему часовому, кинув ему: «К Марку!» и почти ворвался в помещение канцелярии. Марк был на месте! Он сидел за столом и что-то писал. Увидев Павла, он улыбнулся и поднялся ему навстречу:

- Приветствую тебя, уважаемый Павел! Что, нашел ты нашего безумного Ивана? Как он там поживает в своей пещере? Жив еще?

- Желаю радоваться, уважаемый Марк! Йоханан жив, здоров и приказал тебе кланяться, он помнит твою доброту.

Глаза маленького толстяка увлажнились:

- Вот., - он смахнул слезу, - Люди всегда помнят добро. Боги видят, что для меня ссыльные как родные дети...

- Вот как раз у меня к тебе, уважаемый Марк, просьба всвязи с Йохананом,

- Слушаю тебя, уважаемый Павел, - уже спокойным деловым тоном отозвался Марк.

- Сделай мне пожалуйста копию того медицинского заключения Йоханана, которое хранится у тебя.

- Зачем это тебе?

- Это нужно не мне, а проконсулу Азии Квинту Эмилию Второму.

Глаза Мрка округлились, и он стал как будто еще ниже ростом:

- Проконсулу Азии...? Ты с ним знаком?

- Да. И не просто знаком, это по его просьбе я приехал на Патмос...

- ... ревизор, с секретным предписанием, - прошептал Марк побелевшими губами.

- Нет, нет, что ты, совсем не ревизор. Проконсула интересуется здоровьем Йоханана... он рассмаривает возможность его досрочного освобождения, вот и просил разузнать о его здоровье, - Павел плел первое, что приходило на ум, чувствуя что все это звучит совершенно неубедительно. Но Марк его казалось совсем не слушал, он был сосредоточен на какой-то собственной мысли, которую он тщательно продумывал. Потом он взглянул в глаза Павлу, снова почтительно улыбнулся и рассыпался в любезностях:

- Ну конечно, почему бы проконсулу Азии не побеспокоиться о здоровье безумного старика на забытом богами острове? Я понимаю, я все понимаю – и это не мое дело, почему проконсул Азии беспокоится о здоровье безумного старика. И я сейчас же напишу тебе справку.

- И заверь ее пожалуйста печатью лагеря.

- А как же, это уж как водится.

Марк быстро нашел карточку старика в своем ящике, достал чистый лист папируса и начал переписывать на него диагноз Косского врача.

- Главное, о безумии напиши, - подсказал ему Павел.

- Слушаюсь, - по военному ответил Марк. Он быстро сделал справку, приложил к ней печать и подписал ее вместо центуриона.

- А ты не понесешь ее на подпись к центуриону?

- А зачем? Я все бумаги подписываю сам – у меня есть доверенность центуриона для подписи всех документов.

- Я вижу, уважаемый Марк, что ты здесь сам практически центурион. Сколько я тебе должен за эту бумагу?

- Что ты, что ты. Никаких денег. Но у меня к тебе, уважаемый Павел, маленькая просьба.

- Слушаю тебя, уважаемый Марк,

- Когда увидишь проконсула, скажи ему так, между прочим, - голос его задрожал, а глаза увлажнились, - что есть на Птамосе такой писарь Марк,

- И это все?

- Все. Просто скажи, что есть такой писарь Марк, и все.

- Я обязательно исполню твою просьбу, уважаемый Марк,

- Благодарю тебя, уважаемый Павел. Пусть боги хранят тебя в пути.

Они попрощались, а Павел подумал: «А ты не так прост как кажешься на первый взгляд, «ночной центурион».

День восьмой

Павел буквально влетел во дворец наместника и чуть не сбил с ног идущего ему навстречу Феликса. Он приветливо поздоровался с Павлом и сразу проводил его в приемную наместника. Проконсул Азии сидел на том же месте и в той же позе, в какой его оставил Павел неделю назад, – можно было подумать, что это и в самом деле статуя римского патриция, лишь время от времени оживающая, чтобы подписать очередное распоряжение.

- Проконсулу желаю радоваться!

- Павел? Наконец-то. Я уже собирался отослать донесение в Рим. Ну что, нашел?

- Нашел, игемон! - ответил Павел и протянул претору свиток. Тот нетерпеливо развернул его и впился в него глазами. Чем дальше он читал, тем все более разглаживались морщины на его лбу. Наконец губы его раздвинулись в улыбке. Он посмотрел на Павла уже веселым взглядом:

- Отлично! Отличная работа, Павел. Это то, что нужно. Теперь я могу ничего не писать об этом деле императору. А если он получит донесение об этом от кого-нибудь другого, то эта справка полностью оправдывает мое молчание. Благодарю тебя за эту услугу. Я твой должник. Если понадобится замолвить за тебя словечко перед императором, то в этом ты можешь на меня рассчитывать.

- Благодарю, игемон.

- А что префект на Патмосе был сильно удивлен моим интересом к этому Иоанну?

- А префект ничего не знает об этом деле.

- Как это, а кто же писал этот документ.

- Иммун Марк, писарь лагеря.

- А подпись?

- Он же и подписал – у него доверенность префекта. Его вообще ссыльные называют «ночной центурион», потому что он там всем распоряжается, а центурион в это не вмешивается.

- Вот как, «ночной центурион», говоришь, - задумчиво повторил проконсул, - А почему он собственно «ночной», а?

И он весело хлопнул в ладоши. В двери возникла фигура его официала.

- Феликс, заготовьте приказ о производстве иммуна Марка с Патмоса в центурионы и назначении его префектом лагеря и отдельно приказ об отзыве с Патмоса нынешнего префекта.

Секретарь поклонился и вышел. Выйдя из дворца наместника, Павел подумал, что коротышка Марк отлично провел свою игру и что проконсул Азии теперь действительно знает, что есть на Патмосе такой центурион Марк...

Эпилог

В тот вечер Иоанн долго сидел у очага и глядел на огонь невидящими глазами. Прохор собрал поужинать, но апостол отказался есть. Прохор тихо поел сам, убрал посуду и сразу лег спать, чтобы не мешать размышлениям старика. Только он начал смотреть первый сон о будущей женитьбе, как его растолкал апостол:

- Прощка, куда ты засунул свиток с моим благовестием?

Прохор вскочил, заморгал глазами, соображая о чем говорит старик, потом начал копаться в корзине, стоявшей в дальнем углу пещеры. Наконец он вытащил оттуда нужный свиток.

- Нашел? Посмотри, есть там еще место в начале?

- Есть,

- Тогда впиши туда то, что я тебе сейчас скажу.

И он начал диктовать: *«В начале был Логос, и Логос был у Бога, и Логос был Бог»...*

Имение «Ясенева поляна», август-сентябрь 2016